

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ В ТЕРСКО-СУЛАКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XIV–XVIII ВВ.

© З.А. ТЕСАЕВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Аннотация. В статье рассматривается этническая картина Терско-Сулакского междуречья, включая территорию Ауха и Салатавии, в период позднего средневековья и нового времени посредством изучения миграционных процессов, отражавшихся на демографии и этнической пестроте рассматриваемого региона и связанных с социально-политическими факторами. Путем анализа имеющихся материалов указывается на последнюю треть XVIII в. как на время начала аваризации Салатавии и начало XVII в. – как первый этап заселения Терско-Сулакского междуречья кумыками и засулакскими ногайцами под руководством Султанмута, сына Чопана-шамхала.

Ключевые слова: Аух, Салатавия, Эндирей, Терско-Сулакское междуречье, Алмак, Дылым, Султанмут, Чечня, средневековье.

Для цитирования: Тесаев З.А. К вопросу об этнической картине в Терско-Сулакском междуречье в XIV–XVIII вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 72–86. DOI: 10.25744/vestnik.2020.48.1.011.

Данная статья является ответом на ранее опубликованный на страницах издания «История, археология и этнография Кавказа» материала Ш.М. Хапизова [1], посвященного вопросу этнической составляющей Терско-Сулакского междуречья в I–II тыс. н.э. Субъективность публикации автора и ее явная политическая направленность обуславливает необходимость разьяснения поднятых в ней стержневых вопросов для недопущения ошибочных выводов в научных кругах.

Рассуждения Ш.М. Хапизова в аннотации статьи относительно того, что Ауховский район сформировался лишь в 1943 г., а в 1944 г. «...этот процесс был прерван депортацией аккинцев и чеченцев...», демонстрируют как автор, во-первых, пытается отделить аккинцев-ауховцев от остального чеченского этномассива и, во-вторых, желает дискредитировать саму идею восстановления Ауховского района в составе РД за «кратковременностью» его юридического существования. Как пишет автор, район просуществовал «менее полугода», а решение «о восстановлении Ауховского района... было принято без учета мнения значительной части местного населения», т.е. аварцев и лакцев, переселенных на земли депортированных чеченцев в 1944 г. [1, с. 390]. Уже этих утверждений достаточно, чтобы убедиться в том, что данная статья политизирована, а ее цели, впрочем, как и методология, – ненаучны, но политически мотивированы.

Аух как административная единица существовал в составе Имамата Шамиля в 1840–

1859 гг. На карте подвластных Шамилю горских народов, «составленной 27 [числа] месяца мюгаррама 1274 г. эхиры / 6 сентября 1857 г. христианского летоисчисления» обозначено «наибство Авух», в составе которого обнаруживаются Акташ-Аух (ныне – Ленинаул), Юрт-Аух (ныне – Калининаул), Качалик-аух (ныне – Новокули) и др. Кроме того, в Аухе, согласно приведенным данным, управлял наиб Хето (Хоту Мамаев), а наибство могло выставить 200 конных и 330 пеших воинов. К примеру, Салатавия, в которой управлял наиб Муртазали, выставила 140 конных и 160 пеших воинов [2, л. 1]. После присоединения Северо-Восточного Кавказа Аух вошел в состав Российской империи в качестве Ауховского участка Кумыкского округа, входившего в Терскую область [3, с. 9], тогда как Дагестанская область существовала обособленно.

Образование Горской республики в составе СССР ставило вопрос о будущем Хасав-Юртовского (бывшего Кумыкского) округа, где проживали чеченцы и кумыки. Кумыки округа стремились объединиться с правобережными, дагестанскими, кумыками, а чеченцы-ауховцы – с Чечней (Горская АССР). На предложение разделить округ между двумя республиками ауховцы ответили отказом и требованием сохранить целостность округа, поскольку в противном случае часть их восточных земель отошла бы к Дагестанской АССР. Однако решение съезда ауховских чеченцев о сохранении округа было истолковано Хасав-Юртовским ревкомом как «...желание [аккинцев] остаться в

Хасав-Юртовском округе, т.е. в составе Дагестанской Республики...». Эту «интерпретацию» решения съезда чеченцев округа поддержал командующий Кавказской Трудовой Армией В.С. Муромцев, руководивший комиссией по установлению границы между обеими республиками. 12 апреля 1921 г. во Владикавказе чеченцы-ауховцы, видя спекуляции по поводу предыдущего решения съезда, объявили о желании присоединиться к Горской республике, однако волеизъявление чеченцев округа было проигнорировано. В итоге в сентябре того же года состоялось присоединение Хасав-Юртовского округа к Дагестанской АССР при нарушении соответствующих процедур в принудительном порядке [4, с. 690]. Такова реальная юридическая сторона вопроса. Ранее данный округ никогда не состоял в составе Дагестана.

Территория Терско-Сулакского междуречья наделяется чеченцами территориальным (Ара-Акка, или *Ара-Аьккха*) [5, с. 45, 77, 350–351] и субэтническим (*Ювхар* [Мохк]) названиями. Весьма примечательно свидетельство Вильгельма де Рубрука: «Аланы на этих горах (Северо-Восточный Кавказ. – З. Т.) все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти Аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, **Аланами и Железными Воротами** (Демир-Капу, или Железные ворота, т.е. Дербент. – З. Т.), отстоящими отсюда на два дневных перехода, где **начинается равнина Аркакка** (выделено нами. – З. Т.)» [6, с. 169]. Не составит особых усилий увидеть в «Аркакка» чеченское название «Ара-Акка».

Б.А. Калоев отмечает закономерность постоянного стремления чеченцев повторно занять плоскость после очередного нашествия кочевников: «Чеченцы, сильно страдавшие от безземелья в горах, не раз предпринимали попытки заселить плодородные равнины; это бывало, вероятно, и до **монгольского нашествия** (выделено нами. – З. Т.), и особенно в последующее время» [7, с. 42]. Но самые главные доводы лежат в античных источниках. Считается, что название области Аух восходит к наименованию одного из гуннских племен – аугар/авгар (VI в. н.э.) [63, с. 93]. Однако, вероятнее всего, это мнение ошибочно, если учесть, что Геродот (V в. до н.э.) упоминает в числе скифских племен «**авх[ат]ов**» (-ат – этноформант), т.е. **аух[овцев]** («История», IV, 6), локализуемых на Кавказе и связываемых с областью Аух, или «**Авх**», Валерия Флакка (I в. н.э.; «Аргонавтика», VI, 60) [8, с. 24, 247, 250; 9,

с. 167]. Также оно упоминается у Плиния Секунда Старшего (I в. н.э.; «Естественная история», IV, 88; VI, 22) [8, с. 212, 220].

Если же сослаться на самого Ш. Хапизова [1, с. 398], согласно которому «Аух», или (аварск.) «Гавух», – это дагестанские формы наименования чеченского термина Аьккха, то это, в контексте сказанного выше, и вовсе выступает главным контраргументом собственным утверждениям автора. Наконец, отметим, что, согласно последним генетическим исследованиям (международная группа исследователей), из 86 народов-претендентов на скифское наследие, чеченцы оказались самым близким к западным скифам (вспоминаем скифское племя «авх[ат]» на Кавказе) этносом по результатам mtDNA-исследований [10, с. 7–8, 15]. Уже этого было бы достаточно, чтобы завершить данную дискуссию. Однако, наперед угадывая вероятность дальнейших спекуляций на данную тему, мы предлагаем краткий экскурс в историю заселения «Саламееэра, Эндирея и Ауха» кумыкскими (XVII–XVIII вв.) и аварскими (кон. XVIII–XX вв.) переселенцами устарами самих дагестанцев.

Особый акцент Хапизовым делается на мысли, что Алмак был некогда центром «микрорегиона», существовавшего до XIV в., и населяли его аварцы. Ш. Хапизов пишет: «...до конца XIV в. центральным поселением данного микрорегиона являлся крупный аварский город Алмак. В конце XIV в. известный завоеватель Тимур Барлас в ходе нескольких походов опустошил эту территорию. В результате население было частично истреблено, а частью укрылось в горной Аварии. В XV–XVII вв. происходил постепенный возврат этого населения на прежние места жительства. В 1763 г. в этот микрорегион началось переселение из Ингушетии и западной Чечни» [1, с. 390].

Ш. Хапизов, цитируя А.-К.-А. Бакиханова в его повествовании о разрушении Алмака Тимуром и значимости этого города в конце XIV в., однако, игнорирует ту часть цитаты, которая указывает на чеченское, но отнюдь не аварское его происхождение [1, с. 398]. А.-К.-А. Бакиханов пишет: «Эмир Теймур, покорив кумыков, обитающих между Терекон и Сулаком, прошел по земле **Мичикич (Чечня)**; мичигич/мычигыш – кумыкское и кабардинское название чеченцев. – З. Т.), на **город Алмак** (ныне деревня в Салатавском округе), который имел семь тысяч домов, а ныне здесь всего сто домов (текст выделен нами. – З. Т.)» [11, с. 80]. Кроме того, Гасан ал-Кадари пишет, что Тимур «...вторгся отсюда (Терско-Сулакского междуречья. – З. Т.) в **Чечню и разгромил быв-**

ший там город Алмак, имевший семь-восемь тысяч домов (текст выделен нами. – З. Т.)» [12, с. 51]. Их цитирует Б.Г. Алиев, который, между прочим, указывает на тухум «Харайчу», проживающий в Алмаке [13, с. 100, 185]. Тухум, или тайп, Харачой – этнические чеченцы. Согласно результатам ДНК-исследований, харачойцы относятся к гаплогруппе L3 (L1c) и являются боковой линией большого аккинского генетического древа [14; 64; 65]. Примечательно, что Р.И. Идрисов, уроженец села Дылым Казбековского района РД, салатавец, указывает на факт основания Алмака тухумами, или тайпами-общинами, «Хорейчо ва Чункури», т.е. чеченскими тайпами Харачой и Чунгарой (последний так же, как и предыдущий, относится к гаплогруппе L3 и является производным от дишинцев, а ранее – аккинцев) [14; 15, с. 38; 64; 65]. Поэтому неудивительно, что в документах XIX в. Алмак порой называется ауховским селом [67, с. 1119]. Родовые и одноименные поселения общин Харачой и Чунгарой (после их переселения из пределов нынешнего Галанчожского района ЧР) [17, с. 2–7] расположились в Ичкерии [5, с. 273–280; 18, л. 7].

Помимо харачойцев и чунгаройцев в составе алмакцев автор называет «гъалгъалал (ингушал)», т.е. ингушей-галгайцев и др. Также Р. Идрисов сообщает, что в источниках 1812 г. указывается на чеченоязычность алмакцев [15, с. 169]. Более того, в чеченском обществе есть род, который носит имя села Алмак и сообщает о своем происхождении из Алмака, откуда он был вынужден бежать из-за разгрома, устроенного каким-то противником (по-видимому, Тимуром). На выручку алмакским чеченцам, сообщает предание, прибыло ополчение из Ичкерии, которое, однако, было вынуждено вскоре вместе с остатками разбитых алмакцев вернуться обратно. Алмакцев, привезенных в Ичкерию, расселили по три семьи на каждое ичкеринское село [19]. Чеченский род Алмакхой относится к тайпу-общине Курчалой (примечательно, что горные аулы Курчали и Чунгур, выходцы из которых связываются с Алмаком, расположены на расстоянии менее километра) [18, л. 7] и по результатам ДНК-исследований генетически относятся к этому тайпу, а вместе с ним – к чеченскому этносу [14; 64; 65]. Как и ранние авторы, Р. Идрисов констатирует факт принадлежности Алмака к чеченцам в годы нашествия Тимура [15, с. 168]. Здесь следует отметить, что на карте 1809–1817 гг. [66] Салатавия (все левобережье Сулака), в том числе и Алмак, отображена как составная часть Чечни.

Наконец, Б.Г. Алиев, а также Д.А. Дадаев, ссылающийся на первого, пишут: «Земли Алмака

доходили до реки Ярыксу и до Гумбетовских гор. Это был крупный населенный пункт, где было 7–8 тыс. хозяйств.

Название произошло от тюркского слова «Алмахъ» – «взятие». Назывался он городом и несколько раз разрушался завоевателями. Последнее разрушение связано с приходом сюда Тимура. Впоследствии селение было восстановлено переселенцами под старым названием. **Первыми здесь поселились отец и два сына его из сел. Хорочой** (село Харачой Веденского района ЧР. – З. Т.), которые спасались от кровной мести. Отца звали Колели, сыновей – Коллерды и Келомот. **Вслед за ними** стали перебираться в Алмак люди из Гумбета и других аварских обществ. Так образовалось новое селение, которое было намного меньше, чем старое (текст выделен нами. – З. Т.)» [16, с. 35–36; 20, с. 41–42]. В топонимии Алмака и окрестностей также обнаруживаются чеченские названия. Д.А. Дадаев перечисляет их: «...Гъойли – чеченское слово – в переводе означает “ровное место”. Квериман – чеченское слово. Это место за речкой Акташ от подножия гор до конца урочища Гъойли... В селении Алмак очень много названий, взятых из нахской группы языков: 1. Хъоринзо – грушевый сад, 2. Борзу – отрог волков, волчье ущелье» [16, с. 55].

Сердцем нынешней Салатавии справедливо можно назвать Дылым – центр Казбековского района РД. Какова же его история? Р.И. Идрисов указывает на чеченские топонимы в черте и округе села: Къанирзо, Ганирзо (*чеч.* ирзо – лесная опушка; термин используется в чеченской топонимии: села Чурч-ирзо, Бешил-ирзо и др.) [5, с. 326, 344], Барзу (*чеч.* барз – холм, курган; используется в чеченской топонимии: “Барзиэ” в Махкетах, “Моллин барз” в Старых Атагах и т.д.), ХIащдин кIажа (*чеч.* кIажа – пята; термин используется в чеченской топонимии: РоГун-кIажа, Занкъ-кIажа и др.) [5, с. 341, 348], КIажа и пр. При этом автор указывает на тухумы-тайпы Дылыма, в числе которых “КIежал” и “Билитали” [15, с. 169]. Последний ассоциируется с чеченским тайпом Билтой, или Билит.

Краевед из Дылыма Д.А. Дадаев пишет: «Исторические сведения о Дылыме содержатся и в работе археолога Исакова М.И.: “Упоминание о Дылыме мы находим в конце XIV века, когда завоеватель Тимур, разгромив предводителя Золотой Орды Тохтамыша, все свои силы направил на завоевание Дагестана” (текст выделен нами. – З. Т.)». И далее: «В письменных источниках Дылым впервые упоминается в 1617 г. Интересным является описание Б.Г. Алиева о происхождении Дылыма: “Два брата и сестра из Согратля заку-

пили землю у чеченцев. Звали братьев Гебек и Айма на горке Айма-Тала...” ...От первых переселенцев образовались три тухума: **Билит тайпа (от чеченцев)**, Будунисилал (от согратлинцев), а Кеженисел были выходцами из Ботлихского района. Представители этих тухумов до сих пор живут в Дылыме (текст выделен нами. – З. Т.)» [16, с. 23–24; 20, с. 45]. Таким образом, чеченцами, у которых был куплен участок согратлинцами, исходя из факта упоминания чеченцев-билтинцев в списке первопоселенцев Дылыма, были те самые чеченцы Билтой.

Согласно М.А. Дадаеву, Дылым стал «...центром заселения эмигрантов из всех уголков Дагестана» [16, с. 24]. Автором приведен список из 22 сел (10 – горных). Причем начало заселения Салатавии инородцами М.А. Дадаев относит к концу XVIII в. В частности, он пишет: «Основание селения Гуни началось в конце XVIII века в период заселения Салатавии нынешними жителями (текст выделен нами. – З. Т.)» [16, с. 29]. По-видимому, речь идет о времени религиозно-политической деятельности шейха Мансура (1785–1791 гг.) [21, с. 59–61].

Интересна также чеченская этимология топонимов Дылыма и окрестностей. Рассмотрим их в интерпретации дылымовцев: «Ишал (в переводе с чеченского – место, где вода, стоячая вода, болотистое место, по легендарным материалам). На этом месте был маленький населенный пункт, хутор с таким названием... Аних (в переводе с чеченского означает лекарственная, целебная вода, полезная вода). Название действительно связано с водой, родником, которая находится на этом месте... Клажал – есть две версии названия этого места. Первое то, что в период начала освоения села Дылым пришла семья из селения Клеж – клеженисел. Те, которые жили здесь до них, ориентировочно белтийцы (чеченцы) (т.е. те же чеченцы Билтой. – З. Т.), будунисел их (Клеженисел) приняли и выделили им место... Вторая версия – слово Клажал в переводе с чеченского – место, где сажают кукурузу. Вполне возможно, что чеченцы, а именно белтийцы, (чеченцы Билтой. – З. Т.), на этом месте сажали кукурузу, а с приходом клеженисел дали им это место (текст выделен нами. – З. Т.)» [16, с. 52–53].

Следует также отметить, что селение Билит (на месте южной окраины бывшего Старого Аксая, или Билита [39, л. 14]), или Тухчар, фигурирует и на карте военных действий 1877–1878 гг. как “Билт-Аух”, т.е. “Ауховский Билта” [22, л. 1–3]. Кроме того, владения тухума-тайпа-общины Билтой при имаме Шамиле, согласно содер-

жанию карты владений Шамиля, включались в наибство “Авух”, т.е. Аух [2]. То есть к числу ауховцев приписывали население билтойских сел Билта (горный Билит), Иалхан-эвла (Алхан-аул; квартал в составе Ярык-су-Ауха, или Новокули, или ГИачалкъя), Аташ-отар (“Оташ”) [5, с. 341, 356, 373, 375, 402; 18, л. 7] и др. Все они включались номинально в ара-аккинский, или ауховский, союз [5, с. 352] и воспринимались ауховцами в качестве соплеменников, т.е. “аккинцев”. Яркий пример: билтовец Алхан (основатель Алхан-аула) фигурирует у А. Сулейманова как “аккинец”, а с. Билт-Аух – как основанное “аккинцами” [5, с. 373]. Таким образом, “ауховцами” были не только собственно аккинцы, происходящие из нынешнего Галанчожского района ЧР (горная Акка), но и ичкеринцы.

Нам также известно, что одни из самых выдающихся дылымцев-героев времен Кавказской войны были этническими чеченцами и говорили по-чеченски. Эти дылымцы-билтой, или билит (белтойцы), поддерживали связи со своей метрополией, горным чеченским аулом Билит (чеч. Билта) вплоть до 1944 г. Одним из них был наиб Салатавии, сподвижник Шамиля Гебек, который говорил по-чеченски [16, с. 77]. В одном из сражений, 1 сентября 1857 г., Гебек получил тяжелое ранение. «Зная в каком состоянии находится Гебек, – пишет Д. Дадаев, – друзья решили отвезти его в с. Гендерген, что в Чечне. Там жила сестра Гебека, Апи, которая была замужем за Темиргере – сыном чеченского наиба Хату (речь о наипе Ауха Хоту Мамаеве. – З. Т.)» [16, с. 80]. Гебек скончался в 1857 г. в Чечне и был похоронен в селе Гендерген. Рядом с ним похоронены его сестра Апи и брат Умар, «...который также погиб за веру и независимость» [16, с. 81]. Отцом Гебека и Умара был Хаджибек – также наиб Салатавии, погибший в 1845 г. и похороненный в чеченском селе Саясан. Брат Хаджибека, Даци, погиб в 1832 г. вблизи села Гимры, находясь с имамом Гази-Магомедом. Брат Даци и Хаджибека, Султанбек, «...погиб в 1839 г. на Ахульго, закрыв своей грудью имама Шамиля от вражеского залпа». Наконец, вышеупомянутый Умар – брат Гебека, также бывший наибом Салатавии, погиб в 1854 г. [16, с. 84–85; 23, с. 164–167, 175–177]. Все перечисленные были чеченоговорящими этническими чеченцами, несмотря на то, что сегодня Салатавия авароязычна.

Столь твердое положение тайпа Билтой в Салатавии неслучайно. Согласно Б.Г. Алиеву, еще до похода Тимура на Кавказ в Салатавии жили “ногайцы”, под которыми, очевидно, под-

разумеваются тумены – жители монгольского военно-административного округа Тумен/Демен, возникшего на оккупированной территории Терско-Сулакского междуречья в XIII–XIV вв. [24, с. 91]. Известно, что “тумены”, или “тюме-ны” (наследники золотоордынского владычества в регионе), действительно причислялись позднее к ногайскому народу (в качестве общества) [25, с. 237]. Б.Г. Алиев пишет: «Из-за постоянных нападений чеченцев они (тумены. – З. Т.) оставили селение (имеется в виду Дылым. – З. Т.)» [20, с. 45]. Далее следует приведенное ранее упоминание «Билит-тайпа» в качестве первопоселенцев Дылыма. В этой связи М.С.-Э. Баширов и Э.Х. Хасмагоматов пишут: «Билиттайпа – это, без сомнения, представители чеченского тайпа билтой. Следовательно, билтоевцы овладели указанной местностью не позже эпохи Золотой Орды, вытеснив оттуда каких-то тюркоговорящих поселенцев, отличных от кумыков, которых аварцы хорошо знают. Большинство исследователей колонизацию Ичкерии и прилегающей местности выходцами из Аргунского ущелья датируют XV в. Это означает, что билтой представляли более древнее вайнахское население в этих местах. Тогда и переселение аккинцев предстает в ином свете и может быть датировано, как минимум, до-тимуровским временем» [26, с. 26].

Дылым находится у подножья горы Гебек-хала. «В окрестностях Гебек-калы, – пишут авторы, – есть еще один топоним, заслуживающий внимания – Ишал – так называется местность у подножия Гебек-калы, образовавшаяся в результате оползня одновременно с озером Горенжо» [26, с. 27; 27, с. 69]. Ранее мы уже указали на чеченскую этимологию названия Ишал и ее значение – «болотистая местность». На этом «совпадения» не прекращаются. Ранее упомянутый гидроним Шавдан (чеч. речка, родник) также расположен на горе Гебек-кала: речка вытекает с вершины и впадает в Сулак. Гидроним “Шавдан”, как и озеро Горенжо, отражены на карте 1877–1878 гг. [22, л. 1–4]. Наконец, сама гора Гебек-кала носит имя чеченца Гебека, поселившегося здесь вместе с братьями Умаром и Усманом, как пишет об этом А.Н. Грен [26, с. 29]. Чеченской «Гебек-калу» называет также и дылымский краевед Р.И. Идрисов [15, с. 168]. Название Гебек-кала, очевидно, является позднейшим. На это указывает тот факт, что в «...“родословных списках” от 1834 г. фамилия эндирейских узденей Эльжуркаевых отмечена как вышедшая из Гебек-калы. Причем, – пишут авторы, – если верить приведенной здесь же родословной Эльжуркаевых, – из Гебек-калы высе-

лился их четвертый предок по имени Гебек» [26, с. 30; 28, л. 3 об.].

Что же касается изначального имени горы, то на этот счет у нас есть собственные полевые данные, собранные со слов дылымцев, они подтверждаются следующим утверждением упомянутых исследователей: «...Руслан Караев еще в 1972 г. в с. Дылым слышал от местного старожилы-аварца, что первые поселенцы аварского происхождения появились в этих местах лет двести назад (т.е. в последней трети XVIII в.) (данное утверждение совпадает с приведенными данными дылымца М.А. Дадаева. – З. Т.) по причине нависшей над ними угрозы голодного мора. Чеченцы, составлявшие население Дылыма, разрешили попавшим в беду соседям заселить свои пустующие земли. Со слов этого же информатора, аварское название Дылым появилось в результате искажения чеченского “Дэйлам” (чеч. Дай-лам – Гора отцов; т.е. гора Гебек-кала. – З. Т.)» [26, с. 30]. Учитывая же тот факт, что самое раннее присутствие чеченцев Билтой в пределах нынешнего Дылыма прослеживается не позднее, чем с XIV в., употребление термина «Дай-лам» (Гора отцов) в отношении главной высоты в округе села весьма логично. Заметим, что ситуация с «Гебек-калой» сходна с положением горы Казбек, которая получила свое название от имени князя Казбека (его деревня располагалась у подножия горы) [29, с. 149], но в документах, скажем, XVI–XVII вв., именовалась «Шат-лам» (чеч. Ледник-гора), или «Шат-гора» [30, с. 152; 31, с. 424].

Рассмотрим сведения, касающиеся плоскостной части Терско-Сулакского междуречья. В 1708 г. калмыцкий хан Аюка заключил с астраханским губернатором П. Апраксиным договор «...о преследовании Чеченцев...» и отправке «...людей своих с сыном своим Чапдержапом или со внучаты, 5000 человек или больше...» (вместе с казаками) «...в ту войну на Чеченцев...» «...за прежнее их злодейство и Терское разорение...» [32, с. 419, 421]. Терское разорение – это нападение на крепость Терки, располагавшуюся в пределах Терско-Сулакского междуречья [33].

С.Г. Гмелин, описывая маршрут своей исследовательской группы вдоль берега Каспийского моря (1769–1771 гг.), приводил данные, касающиеся населения, проживавшего в крае: «Десятого числа по утру в седьмом часу выехали мы уже на семь сажень глубины и около четвертого часу по полудни увидели остров Чечень. Он наименование свое получил от живущих в горах Чеченцев, кои пристают к оному для ловления рыбы... (текст выделен нами. – З. Т.)

[34, с. 2, 8]. М.Д. Чулков, также приводил еще два названия упомянутого острова, удостоверяя нас в объективности чеченской этимологии названия: “остров Чечня” и “остров Цецен” [35, с. 2(92), 4(94)]. Также автор сообщал: «**Жилища Чеченцев** простирались прежде сего **от гор**, недалеко от Эндери находящихся (Салатавия. – З. Т.), **до самого моря**; но понеже они в прежние времена **Гребенским и Донским Козакам**, отгнанием их лошадей и скота, много вреда причиняли, то в **1718 г.** командированы были на них **несколько тысяч человек Донских Козаков**, которые **всю их землю опустошили** и многих порубили; а **прочие потом в горах опять построились** и в 1722 г. Российскими подданными учинились... (текст выделен нами. – З. Т.)» [35, с. 477–478]. Также о близости острова Чечень и моря к чеченцам в XVIII–XIX вв. писал И.В. Равинский: «...*Чечен*, лежит против обиталища Чеченцев, по близости Аграханского залива, и мыса, называемого Учъ» [36, с. 13–14]. Таким образом, картина не менялась на протяжении XVIII–XIX вв., за исключением перерывов, связанных с событиями первой четверти XVIII в.

После событий 1718 г. чеченцы возобновили свои поселения на плоскости. Однако уже в 1722 г. Петр I прибыл на Кавказ в рамках Персидского похода. Русская флотилия подошла к Аграхану 27 июля 1722 г. [37, с. 25]. Как писал Е. Максимов, чеченцы «...нанесли бригадире Апраксину поражение около нынешнего укрепления Воздвиженского. За это поражение чеченцы жестоко поплатились». Под расплатой разумелось нашествие Аюк-хана по приглашению Петра I и последующее очередное опустошение плоскости [38, с. 26]. А.П. Берже утверждал, что чеченское ополчение в союзе с отрядом Уцмий разбило конницу Петра во время ее движения вдоль Качкалыковского хребта, а также, как уже было отмечено, «...бригадир Апраксин был разбит около нынешней кр. Внезапной, а рейтеры Петра Великого сброшены с кручи сильным натиском горских племен». Как следует из сообщения о “жестокой плате”, а также из свидетельств кумыкских преданий, “виновниками” данного происшествия у нынешнего Эндирея (где и располагалась прежде крепость Внезапная) были чеченцы. «Чтобы наказать за это горские племена, – писал А. Берже, – Петр Великий пригласил Калмыцкого Хана вторгнуться за Терек с своими ордами. Ряд курганов обозначает путь, по которому следовали полчища Аюки, а в двух верстах от старой Внезапной крепости показывают большой насыпной холм, где стояла ставка Калмыцкого Хана» [3,

с. 105]. Здесь, однако, А. Берже соединяет воедино два разных сражения: удар чеченцев по коннице бригадира Ветерани и сражение горского ополчения под предводительством каракайтагского уцмий Ахмет-хана под Утемышем [37, с. 26, 28].

Более подробно удар чеченского войска по бригадире Ветерани описывает В. Потто: «Петр оставался здесь (у устья Сулака. – З. Т.) несколько дней в ожидании конницы [Ветерани], которая, по доходившим до него слухам, много потерпела при переходе через Кумыкскую плоскость; говорили даже **о ее поражении чеченцами**... Дело в том, что часть нашей кавалерии, посланная для занятия Андреевской деревни, иначе – Эндери, находившейся около нынешней Внезапной крепости, встречена была неприятелем, засевшим по сторонам пути в густом лесу и, по оплошности командовавшего ею бригадира Ветерани, понесла чувствительную потерю в людях... Поражение Ветерани, – заключает В. Потто, – живет поныне в преданиях кумыкского народа, которые говорят, что рейтеры Петра Великого были сброшены с кручи **сильным натиском чеченцев**. Кумыки и теперь показывают это место на обрывистых **берегах Акташа**. Чтобы наказать за это горские племена (чеченцев. – З. Т.), Петр пригласил **калмыцкого хана Аюка** вторгнуться **за Терек** со своими ордами (текст выделен нами. – З. Т.)» [37, с. 26–27]. Таким образом, надо полагать, что русская конница была предводительствуема бригадиром Ветерани и двигалась с запада на восток вдоль Терека, а затем Качкалыка в направлении Эндирея для занятия последнего, где и подверглась нападению чеченцев. 23 августа Петр прибыл в Дербент. «Здесь Петр получил известие о новых беспорядках в Дагестане (термин «*ДеГаста*» **употребляется чеченцами для обозначения своей Отчизны**. – З. Т.)... Чтобы погасить мятеж в самом начале, – сообщает В. Потто, – Петр приказал тогда же сделать новую экспедицию в горы, и атаман Краснощеков, ходивший **на этот раз с донцами и с калмыками, истребил решительно все**, что только **еще оставалось там от прежнего погрома**. Дагестан присмирел (текст выделен нами. – З. Т.)» [37, с. 26–30].

О том, что в селении Эндирей проживали чеченцы и именно они были подвергнуты “жестоким расплате”, сообщали и кумыкские источники XIX в. Так, Д.-М. Шихалиев отмечал: «Должно, однако же, прибавить, что **кумыки не сохранили ничего** о столь важной борьбе родоначальника князей их (Султанмута. – З. Т.) с русскими; они только помнят предание, что **при Андрееве не-**

однократно были русские и калмыки, но, кем именно эти неприятели были оттуда изгоняемы, решительно не знают (текст выделен нами. – З. Т.)». В своем комментарии к данному тезису исследователь отмечал: «Близ Андреева, над воровскою балкой, возвышается огромный курган, называемый Аюка-тюбе, по имени калмыцкого хана Аюка, осаждавшего некогда Андреев; есть урочище Калмык-Откен, ниже Андреевского Караагача, чрез который войска этого хана проходили. Если память эта принадлежит знаменитому Аюке, современнику Петра Великого, то в походе императора на Персию участвовало 20 тыс. калмыцкой конницы, ему подвластной...» [40, с. 200]. При этом мы уже убедились в том, что Аюк-хан боролся с чеченцами. Столкновения чеченских отрядов с регулярными царскими войсками ознаменовали эпоху длительной антиколониальной борьбы. М. Гаммер, цитируя Дж. Бадли, пишет по этому поводу: «Теперь русские владели побережьем Каспия до самого Астабада, однако вглубь прилегающих земель не вступали. Однажды такую попытку предпринял кавалерийский отряд, посланный захватить городок Эндери [Андреевский], **чеченцы разбили его**. “То было первое столкновение регулярного русского войска с этим племенем **в его родных лесах**, ставшее зловещим предзнаменованием того, что имело в бесчисленных случаях на протяжении последующих 130 лет... (текст выделен нами. – З. Т.)» [41, с. 15].

Отмечая этническую принадлежность населения Эндирея, офицер царской России Н.С. Семенов (XIX в.) писал: «В жителях Эндрея и всех мелких аулов самого верхнего пояса плоскости, населенных по преимуществу отпрысками чеченского племени, явно проявляются черты характера их родичей – чеченцев» [25, с. 234]. У А.П. Ермолова читаем: «Наибольшей смелостью в набегах на Кавказскую линию отличались Чеченцы... Грозная рядом укреплений соединена была с крепостью Внезапною, построенною вблизи знаменитой чеченской деревни Эндери» [42, с. 2]. В другом источнике: «На правомъ флангѣ сей линіи есть отдельная кр. Налчикъ, въ землѣ большой Кабарды, а на левомъ также отдельныя крепости: Внезапная и Эндери въ землѣ Чеченской» [43, с. 140]. Наконец, Хуан Ван-Гален сообщает: «На следующий день конвой прибыл в окрестности Андреевского, столицы чеченских владений» [44, с. 358].

Первое появление кумыков в нынешнем Эндирее относится ко времени жизни Султанмута – сына Чопан-шамхала. Вот что пишет об

этом царский офицер кумык Шихалиев: «Шамхал кумыкский Андия (он же Чопан-шамхал, он же Абумуслим) [40, с. 197; 45, с. 54–60; 46, с. 137–138, 157] в XVI столетии разделил свое владение на уделы между сыновьями. Один из них, Султанмут, не получил от отца должной себе части, потому что считался чанком, рожденным от черкесской узденки из фамилии Анзоровых... Султанмут, обиженный этим отказом, с братьями своими, рожденными от его же матери, Муцалом и Ахметханом, переселился в Чир-юрт, где нашел несколько семейств сала, или салатавцев, вероятно, зашедших с речки Саласу, где было главное их поселение, был принят ими с радушием, и, судя по услугам, ими ему оказанным, должно полагать, что они и прежде были друзьями или аталыками этого князя (текст выделен нами. – З. Т.)» [40, с. 197–198]. Далее автор сообщает: «Дело в том, что когда Султанмут прибыл в Чир-юрт, там жили Риконинские выходцы, предки нынешних сала-узденей, а в вышеупомянутой записке сказано, что эти выходцы происходили из Анди. Впрочем, и Рикони (Риквани – село в 4 км от Анди. – З. Т.) есть отселок Андийский» [40, с. 197]. Наконец, Д.-М. Шихалиев уточняет: «Сала, или салатавцы, предки нынешних кумыкских салаузденей, вышедшие из находящейся за Гунбетовским хребтом деревни Рикони... считаются в родстве с ауховцами и принадлежат к Вашандароевской их фамилии (Вашиндарой – чеченский тайп [5, с. 441]. – З. Т.); подобно тюменам и гуенам, Сала составляют ныне в Андрееве особый квартал» [40, с. 194]. Итак, «Сала», или основатели аула Сала-юрт (на побережье речки Сала-су), были этническими чеченцами из тайпа Салой (происходящего из Вашиндароя).

Что связывало Султанмута и чеченский тайп Салой, к помощи которого он прибежал? Шихалиев пишет, что Султанмут, «...возмужав и быв лишен наследия, вспомнил приверженцев отца своего и своих, прибыв в Чир-юрт, нашел там несколько из семейств, обласкал их и был взаимно обласкан, и потомков его, в лице нынешних сала узденей, возвели на ту благородную степень значения, в которой они теперь находятся» [40, с. 197]. В чем же заключалась «приверженность» чеченцев Сала к Чопан-шамхалу – отцу Султанмута? Прежде чем ответить на этот вопрос, поинтересуемся, что было известно Шихалиеву об аккинцах, ококах и времени их появления в Аухе: «Ауховцы сами себя называют **акки** и происходят от аккинцев, близ Военно-Грузинской дороги живущих, часть из них еще в глубокой древности поселилась в Терки, и потомки их в Кизляре до сих пор

именуются аух-аул, или акочинцы (текст выделен нами. – З. Т.)» [40, с. 195].

Итак, ауховцы, они же акки, ококи, или акочинцы [46, с. 143, 146], вновь заселили Аух при известных обстоятельствах в XVI в. **Что же можно** сказать о связях аккинцев и Чопан-шамхала? Как сообщается в источниках, часть чеченцев аккинского общества под предводительством Янбека переселились “под гору Казбек” (южные отроги которой в XVI в., **как и сейчас, были подвластны** Грузии; здесь проходит вышеупомянутая Военно-Грузинская дорога), откуда затем ушла в Цоринское ущелье. Однако здесь “калмыками” (в данном контексте речь идет о кабардинцах) было разбито 200 семей поселенцев, что вынудило их уйти к реке Мичик в Ичкерии. Здесь они вновь подверглись удару “калмыков”, были вытеснены в верховья рр. Ясса (Акса́й) и Бургалт (Ямансу) к с. Бона-юрт (Ахар). Вновь подвергшись нападению “калмыков”, Янбек и его подопечные «ушли к горе Д...» (гора *Дайлам*, или Гебек-кала, расположенная у с. Дылым и Сала-юрт). Далее “хан Турецкий” “Абу-Муслим” отправил приветственное послание Янбеку, а затем состоялось сражение с “калмыками” на р. Сала-су. «Река стала красной от крови, – сообщается в записях Н.Г. Волковой. – Янбек был убит. Остался его сын Майд» [47, с. 99].

В одной из арабоязычных рукописей (перевод Висарпаши Ибрагимова) сообщались подробности контактов “Абу-Муслима” и Янбека. Согласно тексту хроники, после четвертого нападения “калмыков” на Янбека “Шамхал Казикумухский” отправил к нему с посланием гонца. “Шамхал”, убедившись в том, что Янбек мусульманин, заключил с ним союзный договор. После совместной атаки союзников на противника с двух сторон, “калмыки” оставили «на поле боя 3 тысячи убитых» и отступили. «В этом бою, – говорится в хронике, – погиб руководитель аккинцев Янбек. Командование взял на себя его сын Майда. Война продолжалась еще долго, но, наконец, врага изгнали» [47, с. 100–101].

Известно, что в 1560 г. кабардинские князья, заручившись поддержкой Ивана Грозного, организовали поход на Северо-Восточный Кавказ и, в частности, в Страну чеченцев и Казукумукское шамхальство [30, с. L]. Исходя из собранных данных, именно этот поход описан в хронике как время совместных действий Янбека и “Абу-Муслима” (Чопан-шамхала) против кабардинцев “калмыков” [46, с. 138–139] с последующей гибелью Янбека и переходом управления мусульманской общиной чеченцев (аккинцев) к Майду.

В пользу такого вывода выступает свидетельство документов об очередном походе кабардинского князя Мамстрюка (вновь при поддержке русских) весной-летом 1566 г. на владетеля “Майта” [30, с. LXII]. В русских документах сообщается о прибытии в 1558 г. в Московское царство посла от “шевкала” с просьбой, «чтобы царь защитил их от Черкесских князей» [30, с. LI]. Кроме того, в 1557 г. русское подданство приняли малокабардинские князья, т.е. кабардинцы, проживавшие на Тереке. Княжеский посол Канклыч Конуков, явившийся в Москву, просил, чтобы царь «... приказал Астраханским воеводам подать им помощь против их недруга Шевкала...» [30, с. XLIX; 46, с. 137–138]. Появление же Янбека в Аухе и восстановление Юрт-Ауха (ныне – Калининаула) состоялось в 1546 г. [46, с. 130–133; 47, с. 101]. При этом, согласно Н.Г. Волковой, процесс переселения чеченцев-аккинцев в Аух был повторным, а основание села относится к 1451 г. [46, с. 134; 47, с. 101]. Следовательно, **возобновление** присутствия аккинского общества в Аухе не только состоялось в XVI в., **но и не осталось не замеченным** ни кабардинской, ни кумыкской сторонами.

Наконец, тот же Шихалиев сообщает об обстоятельствах появления Султанмута, а вместе с ним и кумыков, в Эндирее (Терско-Сулакском междуречье): «Затем, наставшие в России смутные времена после 1605 г., когда русские оттеснены были к Койсу, не позволили Терским воеводам воспрепятствовать быстрому распространению населения Андреева и Аксая... Упрочив за собою полученный удел (речь идет о земле, полученной Султанмутом после битвы на Караманском поле, где чеченцы поддержали кумыкского князя [40, с. 199]. – З. Т.), Султанмут не замедлил переселиться из Чир-юрта на урочище Чумлу (к югу от Эндирея. – З. Т.), в 3-х верстах выше Андреева, лежащее на правой стороне Акташа. **Примеру его последовали все вышедшие с ним из-за сала кумыки**, салатавцы (чеченцы тайпа Салой. – З. Т.), о коих было уже сказано, что они предки сала-узденей, гуены (чеченцы тайпа Гуной. – З. Т.) и тюмени (засулакские ногайцы. – З. Т.). Из Чумлов **сыновья Султанмута** (но не сам Султанмут. – З. Т.), Казаналп и Айдемир, со всем народом переселились в нынешний Андреев (текст выделен нами. – З. Т.)» [40, с. 200].

После разгрома Кази-Кумуха турками в 1582 г. [46, с. 192, 198, 209, 229; 48, с. 24–25] наследники Чопан-шамхала бежали с гор ближе к плоскости на север. Как пишет Шихалиев, «... Чобан-шамхал умер в Буйнаке... Эльдар избрал своим местопребыванием Буйнак и Тарки, Магомет (Буммат) –

Казанищи, Андия – Кафыр-Кумык, Гирей – Гели, и управляли своими уделами независимо друг от друга; но общий правитель, или шамхал, избирался поочередно из этих четырех домов...» [40, с. 197]. В ауховской хронике повествуется о появлении в Кафыр-Кумухе «шамхала». Учитывая то, что Андий, явившийся в Кафыр-Кумух, также назван Шихалиевым шамхалом [40, с. 197], содержание хроники может помочь разобраться в некоторых пробелах: «Из Шама (шамхальства; речь идет о Кази-Кумухе. – З. Т.) пришел человек по имени Шамхал. Он остановился в местности Капир-Кумух. К нему пришли представители аккинцев Бекхий и Токхий и спросили, кто он такой и откуда пришел. На это Шамхал ответил, что он пришел из Шама со своими людьми в поисках лучшей земли и не знает, чья эта земля, есть ли здесь хозяин... По просьбе Шамхала, аккинские представители дали ему землю с границей р. Сулак. ...Заплатив за землю, Шамхал остался между морем и горой (вероятно, Гимринский хребет. – З. Т.). Аккинские представители сделали это, исходя из того, что между Торгал (Торкали, Кумторкали. – З. Т.) и Гойсу (Сулак. – З. Т.) не было аккинских селений» [52, с. 75]. Факт пребывания чеченцев у правого берега Сулака, о котором и идет речь в хронике, был приведен самим Д.-М. Шихалиевым (сала, гуены). Итак, поскольку Султанмут прибыл на левый берег Сулака из Чир-юрта, то и земельный конфликт у него должен был быть с Андием – самым близким к Сулаку и Чир-юрту сыном покойного шамхала. Этим объясняется утверждение Шихалиева о том, что «... Султанмут был брат Андия, а не сын» [40, с. 197].

Известна также история и обстоятельства появления Султанмута в Чир-юрте. Н. Дубровин пишет: «**Кумыки сами** следующим образом **рассказывают о заселении Кумыкской плоскости** (прежде именовавшейся Чеченской [38, с. 26]. – З. Т.). Шамхал Тарковский Чобан... (т.е. Чопан-шамхал. – З. Т.) имел от одной из жен своих, кабардинки, из семьи узденей Анзоровых, сына Султан-Мута (текст выделен нами. – З. Т.)» [49, с. 621]. Итак, как видно, история заселения кумыками левобережья Сулака вновь связывается с Султанмутом. Далее читаем: «После смерти отца законные сыновья шамхала, рожденные от равного брака с дочерью Уцмия Каракайтагского, не признавали в Султан-Муте равноправного им брата, и заставили его бежать в Кельбах, нынешний Чир-Юрт, где в то время, по преданию, жили три богатые семейства **гумбетовцев**, вышедшие из деревни Рикони (Салой, или сала, как писал Шихалиев, явились в Салатавию

через Гумбет, расположенный между Сала-тау и обществом Анди, где и находится село Рикони; кроме того, первопоселенцами в Гумбете считаются основатели аула Аргвани – чеченцы тайпа аьргIаной; аргванийцы крепко связывают свое происхождение с общепризнанной родиной чеченцев – Нашхой [25, с. 209–222; 50, с. 17–32; 51, с. 4–37]. – З. Т.). Там Султан-Мут терпел **крайнюю бедность** и **сам должен был заниматься полевыми работами**. Курган на урочище Кокрек (ныне село. – З. Т.), близ Балтугая, где Султан-Мут занимался **хлебопашеством**, и поныне называется Султан-Мут-Тюбе.

Не имея надежды получить удел от братьев с доброго их согласия, Султан-Мут решился принудить их к тому вооруженною рукою. Он **объявил об этом риконинским выходцам** (т.е. посоветовался с чеченцами салой. – З. Т.), которые, одобрив его намерение, **посоветовали ему** отправиться в Кабарду и при помощи своих родственников по матери набрать войско, с которым, явившись в шамхальство, потребовать от братьев удел, следуемый ему по наследству. Султан-Мут отправился в Кабарду, при помощи Анзоровых успел набрать войско и явился в шамхальство. Он встретился со своими братьями у урочища *Темир-Кую* (темиров колодезь) (ныне – село Темиргое в 23 км к востоку от Чир-юрта в пределах, бывших, по-видимому, подконтрольными Андию. – З. Т.), и **силою заставил их уступить** себе часть владения... братья, уstraшенные его успехами, предложили покончить ссору и обещали уступить ему удел. Султан-Мут согласился и **получил в потомственное владение землю по правый берег Сулака**, от горячих источников между Чир-Юртом и Миатлами вдоль по Сулаку, до речки Таркали-Озень... (согласно данному описанию, речь идет о безжизненных землях вдоль хребта Каратюбе между Чир-юртом и Кум-Торкали. – З. Т.).

Все предания гласят, однако же, единогласно, что на уступленном ему пустом пространстве Султан-Мут заложил первую деревню, в месте теперешнего Чир-Юрта (ранее было сказано, что Султан-Мут бежал в Кельбах, или Чир-юрт; следовательно, здесь речь идет о возвращении Султанмута в Чир-юрт к чеченцам салой. – З. Т.), где и **поселился с пришедшими с ним кабардинцами**. Увлеченные славою об его храбрости и уме, **стали селиться на этой плоскости** выходцы, по преимуществу из шамхальства, и **перенесли сюда свой язык**, нравы и обычаи, за которыми исчезла кабардинская народность (т.е. началось окумычивание местного населения; текст выделен нами. – З. Т.)» [49, с. 621–622].

Рассмотрим содержание ауховской хроники: «У шамхала была жена из Гибарта (Кабарды; т.е. Анзорова. – З. Т.). Она родила ему трех сыновей (Султанмута, Муцала и Ахметхана. – З. Т.). Дети от ханского рода Абрийт не хотели, чтобы дети от кабардинки были такими же (в правах), как и они. Потом между этими двумя семьями началась ссора, возникла ненависть. Убежали они в сторону Гибарта, где жили их братья по матери. Дошли они до Индра. Князья из Индра остановили их, сказав: “Живите около нас, будьте нашими князьями. Если потомкам шамхала вы не нужны, вы нужны нам”. Они остались с ними». В другом списке читаем: «Дети кабардинки ушли к братьям по матери и пришли в Индри. Здесь сельские главари обратились к ним: “Оставайтесь с нами, мы сделаем вас нашими оьзда (т.е. узденями местных князей. – З. Т.). Если вы не нужны потомкам шамхала, вы нужны нам”. Потом они остались» [52, с. 74]. Под «Индри» хроника подразумевает Чир-юрт, или Кельбах, поскольку факт расположения изначального, первого, Эндирея на месте Чир-юрта незыблем (это следует не только из материалов, приведенных самим Ш. Хапизовым [53, л. 2], но и из нашего анализа [54, с. 30–38], в частности, из того факта, что Эвлия Челеби, посетив «Эндирей» в 1666 г., недвусмысленно указывает на его расположение у правого берега Сулака» [55, с. 114; 56].

Таким образом, хроника, даже как второстепенный источник, полностью соответствует приводимым в материалах XIX в. данным. Что же касается нынешнего «Эндирея-2», то он на протяжении не менее нескольких столетий назывался Гуной-Гала, или Гуен-кала. Н.С. Семенов пишет: «В ногойских песнях, воспевающих ханов Золотой Орды XIV и XV столетий, селение Эндрей называется *Гуэн-кала*, т.е. Гуэнская крепость». Кроме того, исследователь добавляет, что тюменцы, т.е. ногойцы Эндирея, «...гуэнцев считают выходцами из чеченского аула *Гуни*» [25, с. 237]. Относительно Гуной-гуэнцев [54, с. 31–32] и этнического состава Эндирея достаточно подробно пишет Н.С. Семенов [25, с. 236–239]. Сейчас же продолжим рассмотрение вопроса о начале переселения кумыков и окумычивания Терско-Сулакского междуречья в XVII в.

Итак, после разрешения земельного спора с братьями Султанмут осел в Индри, или Чир-юрте, у местных чеченцев салой. Отметим также, что под основанием Султанмутом «Чир-юрта» может подразумеваться закладка поселка Нижний Чир-юрт (Дарагаби) [16, с. 39]. Надо сказать, что одним из чеченских «князей», поддержавших

Султанмута и упомянутых в ауховской хронике, был ауховский предводитель – сын Янбека, Майда (Маадий). Как пишет А.А. Адилсултанов, «...большая часть аккинцев-пхьарчхоевцев (здесь имеется в виду группа хуторов, метрополией которых были Акташ-Аух, или Пхьарчахошка, и Юрт-Аух [46, с. 133–137]. – З. Т.), во главе которых с конца XVI почти до середины XVII в. (по нашим данным, в 1560–1638 гг. [46, с. 133]. – З. Т.) стоял Маадий, сперва в отдельных случаях, а затем все шире стала поддерживать противников России (в том числе и Султан-Мута)» [52, с. 89]. «Согласно полевым данным, – продолжает автор, – изгнанный из шамхальства Султан-Магмут получил поддержку части населения Ширча-Аьккха /Пхьарчахошка-Аьккха/ (правильно – Ширча-Акка; см. монографию [46, с. 141–148]. – З. Т.) во главе с Маадием. После поселения Султан-Магмута в Чир-Юрте и выделения ему земель по правому берегу Сулака Маадий со своими людьми участвовал в съездах кумыкских феодалов, помогал Султан-Магмуту в проведении переговоров с братьями и др. дагестанскими владельцами» [52, с. 83].

Дальнейшее развитие событий также отражено Н. Дубровиным: «...Султан-Мут, сделавшись обладателем кумыкских владений, позаботился прежде всего избрать для своего жительства другой, более удобный, пункт, и этим пунктом было избрано урочище *Чуенлы*, что в 3-х верстах выше нынешнего укрепления Внезапного, как замечательное по своему крепкому местоположению. В эту новую свою резиденцию Султан-Мут переселил не только многих засулакских своих подданных (собственно так называемых кумыков), но гуенов (чеченцы гуной. – З. Т.), **живших на горе близ Миатлов** (в Салатавии. – З. Т.), и тюменов (т.е. ногойцев. – З. Т.), **обитавших по правую сторону Сулака**, составив таким образом не только **значительное народонаселение**, но и постоянное войско... По смерти Султан-Мута, наследовали ему два его сына: Айдемир и Казаналип. Гуены, **к счастью кумык** (т.е. чеченцы Гуной не прекратили поддержку семьи Султанмута; причину такого акцента на гуэнах мы увидим далее. – З. Т.), поступили к Айдемиру, а тюмены, с остальной половиною кумык, поступили под власть Казаналипа, с особыми дарованными Султан-Мутом правами в рассуждении поземельной собственности, сохраненными ими и по настоящее время. Эти два брата, **с общего согласия, в трех верстах ниже урочища Чумлы**, на р. Акташе, избрали место для своего нового жительства, куда и **переселились** со всеми своими подвласт-

ными; место это называется в настоящее время аулом *Андреевым* (текст выделен нами. – З. Т.)» [49, с. 623].

Из сказанного здесь ясно складывается картина, согласно которой кумыки и ногайцы были переселены на левый берег Сулака Султанмутом в начале XVII в. По всей видимости, речь идет о 1605 г., когда Султанмут участвовал в разгроме Плещеева и Бутурлина вместе с кабардинцами и чеченцами, поддержавшими его [57, с. 47–48]. Первоначальное их место пребывания было расположено в урочище Чумлы, что означает «кизил». Становление «Эндирея-2», как видно из текста, происходило в два этапа и получило это имя, Эндирей, дублируя название «Эндирея-1», т.е. Чир-юрта (перемещение ойконима вместе с населением). Причем сам Султанмут так и не расположился в нынешнем Эндирее. Теперь следует уточнить, какой именно участок Эндирея был владением чеченцев Гуной. Во-первых, Н. Семенов сообщает: «*Гуэны*, или *гуэныцы*, также многочисленные и также имеющие своих представителей во многих селениях плоскости, в свою очередь, считают себя аборигенами страны...

» [25, с. 237]. Далее читаем: «Около аула (Эндирей. – З. Т.) находится площадь, обрамленная осыпавшимся от времени рвом, которая и донныне называется местным населением *гуен-гала*» [25, с. 457]. Мы посетили это место, обнаружили ров и участок, где прежде располагалась средневековая крепость. При обследовании местности с эндиреевскими жителями [58] выяснилось, что крепость располагалась на границе вышеупомянутого урочища Чумлы. Таким образом, кизиловая роща Чумлы являлась владением чеченцев гуной. Наконец, сам Шихалиев пишет: «**Гуены**, вышедшие из отдаленного нагорного **Нашахойского общества** (в верховьях левого притока Аргуна, называемого Чент). Они имели свой аул на неприступной скале, близ **нынешних Миятлов** и занимались полевыми работами **на левом берегу Сулака**, при выходе оно из гор. Ныне они, подобно тюменам, **составляют в Андрееве особый квартал** и находятся в родстве с известною в Чечне фамилией **Гунай** (текст выделен нами. – З. Т.)» [40, с. 194]. Это и объясняет особый акцент на гуэнах, который прослеживается в источниках. Таким образом, переселение Султанмута в Чумлы состоялось благодаря этой чеченской общине.

В упомянутой ранее ауховской хронике также описываются сведения, касающиеся поселения Султанмута в Чумлы. В частности, А.А. Адилсултанов, цитируя рукопись, пишет: «Группа горцев

из общества “Салатой” (т.е. чеченцы салой, или сала. – З. Т.) обратилась, как повествует далее аккинская хроника, к аккинцам **с просьбой дать им небольшой участок** земли для постройки села; им предоставили участок в местности Астий Дукъ (или Астий-Ирзе) (буквально: Кизиловый хребет, или Кизиловая опушка; речь идет о первом этапе – заселении Чумлы. – З. Т.). Потом салатавцы **еще раз попросили дать им землю на ровном месте**, чтобы построить мельницу и село: на этом месте они построили селение Индри (второй этап – переселение сыновей Султанмута. – З. Т.), где долгое время жили вместе с аккинцами (текст выделен нами. – З. Т.)» [52, с. 76]. **Здесь под салатавцами**, очевидно, имеются в виду чеченцы салой из Чир-юрта, метрополией которых был Сала-юрт, располагавшийся на противоположном берегу Акташа напротив Юрт-Ауха между последним и современным Дылымом.

В последующем поддержка Султанмута чеченцами и непосредственно Майдом неоднократно спасала ему жизнь. Так, в 1610 г. после нападения шамхала Гирея и терских казаков Султанмут вместе с Ботаем – племянником Шихмурзы Окоцкого – бежал, «...стал был жити в горах в Окоцких кабаках». Но уже в 1611–1612 гг. Султанмута настигли и «...с Салтан-Магмутом и с уздени его и с Окоцкими людьми бились и ис кабаков его изогнали ж» [30, с. 536]. Затем Султанмут вместе с братом Муцалом, хотя и дал «шерть» на верность России, однако прятался в «Мичкизе» (чеченские земли в бассейне реки Мичик) из опасения преследования казаками и шамхалом [30, с. 536–537]. В конце 1614 – феврале 1615 г. Султанмут вместе с поселившимся по приглашению чеченцев у Сунжи Турловым (один из трех братьев) [46, с. 333–338], «**мичкизскими и с окоцкими людьми**» (т.е. с чеченцами Мичика и Ауха) вновь явился в Аух, однако уже в феврале был разбит терскими казаками [59, с. 49–50, 53–54].

В 1617 г., как сообщают источники, Султанмут вновь бежал в «крепю в Старые Окохи», т.е. в Юрт-Аух, или Ширча-Акка (букв. Старый-Акка) [60, с. 63, 70]. В документах от 1629 г. за авторством хунзахского нуцала (по-видимому, Уммахан) «в Кумыках» (отметим, что в 1613/14 г. Головин называет «Кумыцкой» землей Тарки, Таркалы и Карабудах-кент, т.е. правобережные засулакские земли) [30, с. 538] **вместе упоминаются «Мегдей и Салтан-Магмут»** [59, с. 90]. Таким образом, Майда (Маадий), или МаИда (тот же «Магда», «Мегдей»), не перестает покровительствовать Султанмуту. В нашей монографии [46, с. 137–141] мы указываем на то, что столь силь-

ная мотивация Маадия в противостоянии с Россией (а от того и в поддержке Султанмута) была обусловлена старой враждой и гибелью его отца Янбека в сражении на речке Сала-су от рук воинов русско-кабардинской коалиции. Наконец, в 1634 г. Султанмут снова бежит «в крепкие места на горы», т.е. в «крепии» Старого Окоха, из-за преследования его другим братом, шамхалом Ильдаром [52, с. 91; 59, с. 73–75].

Из всего сказанного ясно, что начало заселения Терско-Сулакского междуречья состоялось при Султанмуте – сыне Чопан-шамхала, бывшего в крайне тяжелом положении и поддержанного аборигенами края, чеченцами, что не единожды спасало его от неминуемой смерти. Однако в 1635 г., после смерти Ильдара, шамхалом избрали Султанмута, который уступил это место сыну, Айдамиру, по старости лет. Вместе с тем после того, как семья Султанмута обрела власть, Айдамир взял курс на сближение с Россией и погиб в 1641 г. в сражении против мурз Казыевой Кабарды и Малого Ногая в интересах Москвы [59, с. 132–137, 151–159].

Невзирая на многолетнюю поддержку и союз с руководителем ауховцев Майдом, привлечшим к поддержке Султанмута чеченцев не только Ауха, но и западных областей, семейство последнего вероломно убило Майда, что привело к кровопролитному конфликту [46, с. 256–263].

А.А. Адилсултанов, цитируя ауховскую хронику, пишет: «Во время одного из посещений Маадия кумыкские князья пригласили его поехать с ними в Кабарду. Там их приняли гостеприимно. На обратном пути “они остановились на берегу Ямсу (Яман-су, река. – З. Т.) для отдыха и вечерней молитвы. Маадий разделся, снял оружие и доспехи и начал молитву. Когда он во время молитвы наклонился к земле, братья (вероятно, Айдамир и Казаналп Султанмутовы. – З. Т.) зарубили его и бежали в Индри”. Вероятно, вместе с Маадием были убиты и сопровождавшие его аккинские уздени». А. Адилсултанов считает, что убийство состоялось после 1638 г. [52, с. 93, 95]. Следует отметить, что при описанных событиях Султанмут еще был жив [59, с. 151–154]. Таким образом, семейство Султанмута предприняло шаги к распространению своей власти на Аух.

Описанные события привели к конфликту, окончившемуся ориентировочно в 1648 г. бегством Казаналпа в сторону Кизляра, и последующему его присоединению к шаху Аббасу, устро-

ившему в середине XVII в. поход на Северо-Восточный Кавказ [46, с. 256; 59, с. 175]. Таким образом, обоснование Султанмута и его сыновей в Эндирее так и не состоялось. Однако это удалось сделать правнуку [61, с. 70], или внуку [40, с. 201], Султанмута, Чупану, с согласия и при поддержке чеченцев, пригласивших его в Эндирей, в частности, при покровительстве Гази Алдамова, который наряду с другими чеченскими предводителями в 40-е гг. XVII в. [46, с. 332–330] уже вел переговоры с Терским воеводством по случаю назревавшего конфликта с Ираном [61, с. 69; 62, с. 488–489].

А.П. Берже сообщает, что депутация «...от Ауховского общества... также выпросила себе князя для **решения** между ними **поземельных споров**. Резиденция этого князя была в селении, и теперь еще существующем и называемом Индри /Эндери/ (текст выделен нами. – З. Т.)» [3, с. 104; 46, с. 330–338]. Примечательно, что А. Берже указывает на факт отношения Эндирея к Ауховскому обществу. Более того, Шихалиев пишет: «Все эти три народа, т.е. гуены, сала и ауховцы (все перечисленные – этнические чеченцы. – З. Т.), имели от себя жителей и на урочище Эндрей, нынешний Андреев, где каждый из них имел свой участок земли и владел вырубленными и вычищенными в окрестных лесах полянами» [40, с. 195]. А также: «**Прибытие Султанмута в урочище Чир-юрт** (которое иначе называлось и теперь называется Кельбах) было эпохой **возрождения и заселения Кумыкской плоскости, событием необыкновенным для равнины, заключающейся между Терекom и Сулаком**, на которую **шамхалы до того времени мало обращали внимания**... (текст выделен нами. – З. Т.)» [40, с. 198–199].

Итак, наш относительно краткий анализ показывает, что утверждение Хапизова [1] о заселении чеченцами междуречья Аксая и Акташа после 1763 г. не только неосновательно, но и откровенно ложно. Начало заселения авароязычными жителями и последующая аваризация Салатавии относится исследователями к последней трети XVIII в. – как раз к тому времени, о котором пишет Хапизов. Что же касается Терско-Сулакского междуречья, то начало его заселения кумыкскими переселенцами и последующее окумыживание местного чеченского населения относится к началу XVII в. и связано с деятельностью Султанмута Чопанова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хатизов Ш.М. К изучению этнокультурной ситуации в среднем течении междуречья Аксая и Акташа (Северный Дагестан) в I–II тыс. н.э. // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. №3. С. 390–411. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH153390-411>.
2. РГВИА. Ф. 15261. Оп. 1. Д. 201.
3. Берже А.П. Чечня и чеченцы / Подг. текст и предисл. Я.З. Ахмадова, И.Б. Мунаева. Грозный: Книга, 1991. 112 с.
4. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 995 с.: ил., портр.
5. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. 726 с.
6. Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. СПб., 1911. 224 с.
7. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. №1. С. 41–53.
8. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост.: В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов н/Д: Русская энциклопедия, Ростовский-на-Дону филиал, 1990. 400 с.
9. Ваганов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Чеченский архив (сборник материалов по истории чеченского народа). Грозный: ООО Изд. дом «Парнас», 2010. Вып. III. С. 155–179.
10. Unterländer M. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe / M. Unterländer, F. Palstra, I. Lazaridis, A. Pilipenko, Z. Hofmanova, M. Groß, Ch. Sell, J. Blöcher, K. Kirsanow, N. Rohland, B. Rieger, E. Kaiser, W. Schier, D. Pozdniakov, A. Khokhlov, M. Georges, S. Wilde, A. Powell, E. Heyer, M. Currat, D. Reich, Z. Samashev, H. Parzinger, V.I. Molodin, J. Burger // Nature Communications. 8. 14615. DOI: 10.1038/ncomms14615(2017). 10 p.; Supplementary Figures: 82 p.
11. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
12. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан: исторические сведения о Дагестане / Вст. ст., комм., прим. и общ. ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994. 222 с.
13. Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей (источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2002. 408 с.
14. Chechen-Noahcho DNA Project – Y-DNA Classic Chart [Электронный ресурс] // FamilyTreeDNA. URL: <https://www.familytreedna.com/public/chechen-noahcho/default.aspx?section=yresults> (дата обращения: 26.11.2019).
15. Идрисов Р.И. Салатавия – моя гордость. Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. 274 с.
16. Дадаев М.А. Краткий краеведческий справочник по Салатавии. Махачкала: Исламская типография «Ихлас», 2007. 198 с.: илл.
17. Попов И. Ичкерия. Историческо-топографический очерк // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 1–23 (209–231).
18. РГВИА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 636.
19. Записал З.А. Тесаев со слов Р.У. Берсанова (1970 г.р.). Грозный, 2018.
20. Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. 128 с.
21. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 1–62 (53–114).
22. РГВИА. Ф. 15261. Оп. 1. Д. 144.
23. Дадаев Ю.У. Наибы и мудирь Шамиля. Махачкала: ДИНЭМ, 2009. 621, [1] с.: ил., портр., табл.
24. Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. Грозный: Книга, 1992. 168 с.
25. Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. А. Хомского и К°, 1895. XVIII, 488 с.
26. Баширов М.С.-Э., Хасмагомадов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья (на примере семьи Башир-шейха Аксайского). Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. 60 с.
27. Дадаев М.И. Дылым в XIV–XX вв. Махачкала, 2015. 268 с.
28. РГВИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 420.
29. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
30. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578–1613 гг. М.: Университетская типография, 1889. СХХХ, 585 с.

31. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 5. Романы, повести. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. 663 с.
32. Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. IV. 1700–1712. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 890 с.
33. Морская карта Каспийского моря (1719–1721 гг.) [Carte marine de la mer Caspienne / levée suivant les ordres de S.M. Czarienne; par M. Carl Vanverden en 1719, 1720 et 1721; et réduite au méridien de Paris par Guillaume Delisle... // Lisle, Guillaume de. Atlas de Geographie. Paris: Guillaume DeLisle, Quai de l'Horloge, 1721. P. 74].
34. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе: ч. 3-я, половина I-я. СПб.: Имп. Академия Наук, 1785. 336 с.: 22 л. прилож.
35. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. М.: Университетская Типография, 1785. Т. II. Кн. II. 714 с.: 90, 626 с.
36. Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской Губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Вольное экономическое общество, 1809. VI, 327, XIV с.
37. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: от древнейших времен до Ермолова. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. Вып. I. 738, VI с.
38. Максимов Е. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 год. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 3–100.
39. ЦГИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3214.
40. Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века: к 200-летию со дня рождения ученого-этнографа Девлет-мирзы Шихалиева (Шейх-Али) / Отв. ред. Г.М.-Р. Оразиев. Махачкала: Абусупиян, 2015. 268 с.
41. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Дагестана и Чечни. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
42. Кавказский календарь на 1868 годъ (високосный), изданный Главнымъ Управлением Наместника Кавказскаго. XXIII год. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказскаго, 1867. 480, 123, VII с.
43. Зубов П.П. Картина Кавказскаго края, принадлежащаго России, и сопредельныхъ оному земель; в Историческом, Статистическом, Этнографическом, Финансовом и Торговом отношениях: в 4 т. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. Ч. II. 270 с.
44. Кавказская война: истоки и начало, 1770–1820 годы / Сост. и авт. вступ. ст. Я.А. Гордин; сост. и подгот. текста Б.П. Миловидов. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. 550 с.
45. Тесаев З.А. Идентификация личностей позднесредневековых летописных героев “Абумуслима” и Суракатов и их роль в истории Чечни и Дагестана (XV–XVI вв.) // Рефлексия. 2017. № 5. С. 54–60.
46. Тесаев З.А. Институт “Мехк-Дай” в истории Чечни (XVI – 1-я треть XIX в.). Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. 688 с.: ил., карт.
47. Яндаров А.Д. Мифы и предания чеченского народа / Сост.: А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). М.: Орбита-М, 2010. Т. I. 351 с.
48. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. 266 с.
49. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Кавказ. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. XVI, 640 с.
50. Тахнаева П.И. Аргвани: мир ушедших столетий: исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана / П.И. Тахнаева; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2012. 485 с.: ил.
51. Кадиев С.-М.Х. Краткая история и генеалогия тайпа АьргIаной. Знаменское: ГУП «Надтеречная межрайонная типография», 2007. 44, 156 с.
52. Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. 128 с.
53. РГВИА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 300.
54. Тесаев З.А. Чеченская “География” XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара. Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. 256 с.
55. Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья // Памятники литературы народов Востока. Перевода VI. М.: Наука, 1979. 287 с.
56. W. E. D. Allen. The Sources for G. Delisle's "Carte des Pays Voisins de la Mer Caspiene" of 1723 // *Imago Mundi*. 1956. Vol. 13. P. 137–150.

57. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 382 с.
58. Записал З.А. Тесаев со слов З.М. Зубаирова (1955 г.р.). Эндирей, 2017.
59. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: документы и материалы / Сост.: Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. 336 с.
60. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1963. 370 с.
61. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. 94 с.
62. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках (документы и материалы в 2 томах). Т. I. XVI–XVII века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 695 с.
63. Гасанов М.Р. Дагестан: перекресток цивилизаций. Махачкала: ДГПУ, 2007. 460 с.
64. YFull YTree v7.09.01 (чеченское дерево L3) [Электронный ресурс] // YFull. Y-Chr Sequence Interpretation Service. Ссылка: <https://yfull.com/tree/L-Y6266/> (дата обращения: 3.12.2019).
65. Чеченское дерево L3 [Электронный ресурс] // Нохчийн орамаш (<http://oramash.ru/>). Ссылка: http://oramash.ru/tape/L3_tree_oramash.svg (дата обращения: 3.12.2019).
66. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1901. Т. I. 354 с.
67. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 13 т. Т. XII. Тифлис: Тип. Канцелярии Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1904. 1552 с.

TO THE QUESTION OF ETHNIC PICTURE IN THE TERSKO-SULAK INTERCOURSE IN THE 14TH–18TH CENTURIES

© Z.A. TESAEV

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny

Abstract. *The article discusses the ethnic picture of the Tersko-Sulak interfluvium, including the territory of Aukh and Salatavia, during the late Middle Ages and modern times by studying migration processes that reflected in the demography and ethnic diversity of the region in question and related to socio-political factors. By analyzing the available materials, the last third of the 18th century is indicated as the time of the beginning of the accident in Salatavia and the beginning of the 17th century – as the first stage of the settlement of the Tersko-Sulak interfluvium by the Kumyks and Zaslak Nogais under the leadership of Sultanmut, the son of Chopan-shamkhal.*

Key words: *Aukh, Salatavia, Andyreus, Tersko-Sulak interfluvium, Almak, Dylm, Sultanmut, Chechnya, the Middle Ages, modern times.*

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№ 1 (48), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Математика

<i>Асхабов С.Н.</i> Интегро-дифференциальное уравнение второго порядка со степенной нелинейностью и разностным ядром	5
<i>Кириянова Л.В.</i> Разностная схема для неоднородной модели Бегли-Торвика	14
<i>Умархаджиев Х.С., Дадашев Р.Х., Умархаджиев С.М.</i> Математическая модель изотермы поверхностного натяжения двойных систем	19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Отечественная история

К 70-летию Великой Отечественной войны

<i>Матагова Х.А., Гелаева З.А.</i> Со студенческой скамьи на фронт: А.Ч. Хасбулатов	25
<i>Сабанчиев Х.-М.А.</i> «Все для фронта!»: мобилизация материальных и людских ресурсов в Кабардино-Балкарии	31
<i>Юсупова М.Л.</i> Средства массовой информации ЧИАССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945)	36
<i>Баширов М. С.-Э.</i> К вопросу о возникновении Эндирейского княжества	41
<i>Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Саралиева Л.Ш.</i> Политическая обстановка в Чечне в 60-х гг. XIX в. ...	49
<i>Мачукаева Л.Ш.</i> Горцы Северного Кавказа на службе в российской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	56
<i>Сефербеков Р.И.</i> Периодизация модернизационных и трансформационных процессов в Дагестане в новейшее время	66
<i>Тесаев З.А.</i> К вопросу об этнической картине в Терско-Сулакском междуречье в XIV–XVIII вв.	72
<i>Тетуев А.И.</i> Депортация балкарского народа в исторической памяти	87

История науки и техники

<i>Литвинская С.А.</i> История изучения Polypodiophyta Абхазии по гербарным коллекциям	97
<i>Озерова Н.А.</i> Исследования инженера М.А. Данилова «Для составления проекта ирригационно-судоходных каналов между морями Черным, Азовским и Каспийским» (1879–1882 гг.)	107
<i>Тайсумов М.А., Умаров М.У., Астамирова М.А.-М., Абдурзакова А.С.</i> История изучения флоры горных районов Чечни и смежных территорий Северного Кавказа	112

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

<i>Альбеков Н.Н., Исраилова Л.Ю.</i> К вопросу генезиса этнонима <i>нохчо</i> (<i>нахчо</i>) и образования терминологемы <i>нахский</i>	121
---	-----